

Ренан Эрнест

История зарождения христианства
Том 1. Жизнь Иисуса

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Э81

Э81 **Эрнест Р.**
История зарождения христианства: Том 1. Жизнь Иисуса / Ренан Эрнест – М.: Книга по Требованию, 2024. – 364 с.

ISBN 978-5-519-80582-7

ISBN 978-5-519-80582-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Чистой душѣ моей сестры ГЕНРІЭТТЫ,

скончавшейся въ Byblos 24 Сентября 1861 г.

Мирно почивая на лонѣ Господнемъ, воспоминаешь ли ты о тѣхъ долгихъ дняхъ, проведенныхъ нами въ Газирѣ? Грезятся ли тебѣ мѣста, которыя мы съ тобой посѣщали, — мѣста, навѣявшія мнѣ эти страницы? Молча перечитывала ты каждый листъ и тотчасъ же переписывала его, а море, селенья, овраги и горы чарующей панорамой развѣртывались у нашихъ ногъ. И когда безчисленный сонмъ звѣздъ смѣнялъ ослѣпительный дневной свѣтъ, ты вдохновляла меня твоей чуткой душой и уносила въ дивное царство нашихъ грезъ. Ты какъ то сказала мнѣ что будешь любить эту книгу; вѣдь ты создавала ее вмѣстѣ со мной, она была близка тебѣ. И если порой тебя утешала мысль, что наша работа можетъ подвергнуться нареканіямъ мелочныхъ умовъ, въ глубинѣ твоей души всегда царило убѣжденіе, что ее не могутъ не полюбить истинно вѣрующіе. Такъ грезили мы и не замѣтили, какъ подкралась смерть и коснулась насъ своимъ крыломъ. Мы оба заснули въ горячечномъ бреду; я очнулся одинъ... Ты спишь теперь въ странѣ Адописа, недалеко отъ Byblos и священныхъ источниковъ, куда нѣкогда приходили плакать жрицы древнихъ мистерій. Во имя нашей земной любви, открой мнѣ, свѣтлый геній, тайны загробнаго міра господствующія надъ смертью, научающія любить ее и умаляющія ужасъ послѣдняго часа.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ 13-му французскому изданію.

Первыя двѣнадцать изданій настоящаго труда почти ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Тринадцатое-же было тщательно пересмотрѣно и исправлено; въ теченіе четырехъ лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ моего произведенія я безпрестанно работалъ надъ его исправленіемъ. Эту работу мнѣ очень облегчила обильная критическая литература, вызванная моею книгой. Я воспользовался всѣми цѣнными и полезными указаніями и могу сказать со спокойной совѣстью, что ни одна серьезная критическая статья не была оставлена мною безъ вниманія, чему не могли помѣшать яростныя нападки нѣкоторыхъ изъ моихъ оппонентовъ, позволявшихъ себѣ даже клевету и оскорбленія. Я все взвѣсилъ, все проверилъ. Мнѣ дѣлались упреки, подчасъ очень самоувѣреннымъ тономъ, какъ будто дѣло шло о доказанной уже моею ошибкѣ, и если я, къ общему удивленію, не всегда возражалъ на эти упреки, то это объясняется не пренебреженіемъ къ сдѣланнымъ возраженіямъ, но тѣмъ, что я не могъ признавать подобные упреки основательными. Чаше всего въ подобныхъ случаяхъ я указывалъ въ видѣ примѣчаній тѣ тексты и соображенія, на основаніи которыхъ придерживался того, а не иного мнѣнія, или же старался доказать моимъ противникамъ, путемъ небольшихъ редакціонныхъ измѣненій, что они неправильно поняли мою мысль. Приводимыя въ книгѣ выноски, хотя очень сжатыя и содержащія лишь указанія на первоисточники, являюся для образованнаго читателя вполне достаточными, чтобы понять, какія соображенія руководили мною при работѣ.

Чтобы вполне оправдаться отъ всѣхъ взведенныхъ на меня обвиненій, мнѣ пришлось бы увеличить въ 3 или 4 раза объемъ моей книги и повторять слова, сказанныя уже много разъ, начать религіозную полемику, чего я абсолютно не допускаю, и говорить о самомъ себѣ, чего я никогда не дѣлаю. Я пишу и развиваю свои мысли для тѣхъ, кто ищетъ истины, но вовсе не желаю разубѣждать тѣхъ лицъ, которые хотятъ въ интересахъ своихъ вѣрованій выставить меня какъ-то неучемъ, безбожникомъ, человекомъ съ извращеннымъ умомъ и понятіями. Мнѣ положительно совѣстно разубѣждать ихъ въ этомъ мнѣніи, если оно необходимо для ихъ душевнаго спокойствія.

Впрочемъ возбуди я споръ, онъ зашелъ бы за предѣлы, не имѣющіе ничего общаго съ историческою критикою. Я подраздѣляю всѣхъ критиковъ, занявшихся разборкой моего сочиненія, на два противоположныхъ лагеря. Къ первому принадлежатъ люди свободомыслия, отрицающіе все сверхъестественное¹⁾ и не вѣрящіе въ боговдохновенность священныхъ книгъ. Сюда же я причисляю теологовъ либеральной протестантской школы, настолько широко толкующихъ догму, что любой раціоналистъ можетъ съ ними согласиться. Эти противники и я мы стоимъ на одной почвѣ, мы исходимъ изъ однихъ и тѣхъ же принциповъ, мы можемъ спорить на научной подкладкѣ по всѣмъ историческимъ, филологическимъ

¹⁾ Я подразумѣваю всегда подъ этимъ словомъ «сверхъестественное въ частномъ значеніи», т. е. вѣщательство Божества съ какою нибудь спеціальною цѣлью, какое нибудь чудо, а не «сверхъестественное въ общемъ смыслѣ», сокровенную міровую душу, идеаль, источникъ и конечную причину всѣхъ движеній міра.

и археологическими вопросами. Второй болѣе обширный разрядъ моихъ оппонентовъ составляютъ всѣ тѣ, кто относится совершенно отрицательно къ моему произведенію. Это правовѣрные теологи безразлично католики или протестанты, вѣрящіе и признающіе сверхъестественность и боговдохновенность книгъ Новаго и Ветхаго Завета. Во всѣхъ ихъ выводахъ кроется крупное недоразумѣніе. Если признавать возможность чуда, то моя книга, есть сплошное заблужденіе; если евангелія боговдохновенныя книги и потому содержатъ въ себѣ отъ доски до доски одну истину, то я долженъ былъ удовольствоваться лишь компиляціей выдержекъ четырехъ евангельскихъ текстовъ, какъ это дѣлаютъ гармонисты, не заботясь о томъ, что изъ цѣлаго получится нѣчто крайне многословное и полное противорѣчій. Если же, наоборотъ, признавать, что чудеса недопустимы, то я имѣлъ полное основаніе выставить книги, трактующія о нихъ, какъ документы полныя фикцій, источинныхъ легендъ и систематическихъ заблужденій. Если евангелія не болѣе, какъ простые сочиненія, то я былъ вправѣ обращаться съ ними такъ, какъ то дѣлаютъ научные изслѣдователи Гренін, Аравін или Индіи съ тѣми легендами, которыя они изучаютъ. Критика не признастъ непогрѣшимыхъ текстовъ, ея основной принципъ — допущеніе въ изучаемыхъ матеріалахъ возможности ошибки. Будучи далекъ отъ обвиненія въ скептицизмѣ, я долженъ быть зачисленъ въ разрядъ умѣренныхъ критиковъ, такъ какъ вмѣсто того, чтобы отбросить цѣлкомъ всѣ матеріалы, обезцѣненные посторонней примѣсью, я старался извлечь изъ нихъ возможные историческія данныя путемъ тончайшихъ сопоставленій и сближеній.

Пусть не говорятъ, что подобная постановка вопроса поражаетъ проблематичное положеніе, что мы а priori признаемъ за принципъ то, что требуетъ тщательныхъ и подробныхъ доказательствъ, а именно, что чудеса, о которыхъ говорится въ евангеліяхъ, на самомъ дѣлѣ не было и что самы евангелія написаны безъ непосредственнаго участія Божества. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Къ приведеннымъ положеніямъ насъ не приводитъ логическій анализъ явленій, а лишь экспериментальныя изслѣдованія, результаты которыхъ до сихъ поръ всегда были одни и тѣже. Чудеса вообще принадлежатъ къ категоріи явленій, нигдѣ въ дѣйствительности не происходившихъ; одни легковѣрные люди вѣрятъ въ возможность ихъ проявленій, между тѣмъ въ дѣйствительности до нынѣ не было ни одного случая проявленія чуда въ присутствіи лицъ, могущихъ научно удостовѣрить фактъ его совершенія. До настоящаго времени не было еще доказано ни одного случая вмѣшательства Божества ни въ составленіе какого либо сочиненія, ни въ какое либо иное событіе человеческой жизни. Уже одно признаніе возможности сверхъестественнаго идетъ въ разрѣзъ съ наукой. Подобное объясненіе явленій не принимаетъ въ расчетъ астрономъ, физиологъ, физикъ, химикъ, геологъ, пускай же обойдется безъ него и историкъ. Мы отвергаемъ сверхъестественное на томъ же основаніи, на которомъ не вѣримъ существованію кентавровъ и гиппогрифовъ. Это основаніе заключается въ томъ, что ихъ никто, никогда не видалъ. Я отбрасываю чудеса, о которыхъ повѣствуютъ евангелисты не потому, что мнѣ было предварительно доказано, что евангелія не заслуживаютъ довѣрія, но въ виду того, что въ нихъ содержатся описанія чудесъ, я считаю себя въ правѣ сказать: «Евангелія легенды; они могутъ содержать историческія данныя, но далеко не все изложенное въ нихъ исторически вѣрно».

Итакъ правовѣрный и рационалистъ, отрицающій сверхъестественное, не могутъ оказать другъ другу большой поддержки въ подобныхъ вопросахъ. Въ глазахъ теологовъ евангелія и вообще всѣ библейскія книги суть произведенія, не имѣющія равныхъ себѣ, онѣ лучшія изъ всѣхъ историческихъ документовъ, такъ какъ въ нихъ нѣтъ ни одной ошибки. Для рационалиста, наоборотъ, евангелія представляются лишь изложеніемъ текстовъ, для изслѣдованія которыхъ нужно примѣнить общіе критическіе методы. Съ ихъ точки зрѣнія евангелія являются для насъ тѣмъ-же, чѣмъ коранъ и хадисы для арабистовъ или чѣмъ ведды (буддѣйская книга) для индіанистовъ. Вѣдь не считаютъ же арабисты коранъ непогрѣшимымъ и врядъ ли кто либо упрекнетъ ихъ въ искаженіи историческихъ данныхъ, когда въ своихъ объясненіяхъ о происхожденіи исламизма, они расходятся съ маго-

метанскими теологами. Или сочтутъ ли когда нибудь индiанцы *Лалитавистару* ¹⁾ за биографію?

Прійти ко взаимному соглашенію, исходя изъ двухъ совершенно противоположныхъ принциповъ невозможно. По всѣмъ правиламъ критики представляется, что наслѣдуемый документъ имѣетъ лишь относительную цѣнность, что онъ можетъ заключать въ себѣ невѣрные данныя, что содержаніе его можетъ быть исправлено при помощи другого, болѣе точнаго документа. Нечестивый учоный, убѣжденный, что всѣ книги дошедшія до насъ изъ прошлаго написаны обыкновенными людьми, не задумается не придавать особеннаго значенія текстамъ, разъ они противорѣчатъ другъ другу, когда они возбѣщаютъ явную ложность, или говорятъ о фактахъ, формально опровергнутыхъ болѣе авторитетными свидѣтельствами. Напротивъ того, ~~если~~ заранѣе убѣренный, что въ священныхъ книгахъ нѣтъ ни одной ошибки, ни одного противорѣчія, прибѣгаетъ къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ, къ самымъ отчаяннымъ средствамъ, чтобы выйти изъ этихъ затрудненій. Его ортодоксальная экзегетика исполнена сплотившихъ увертокъ и обходовъ. Хитросплетенія эти въ единичныхъ случаяхъ пожалуй и могутъ привести къ правильному выводу, но въ большомъ количествѣ они непременно залутаются въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ. Если бы у Тацитъ или Полибій были такія характерныя ошибки, которыя Лука дѣлаетъ относительно ~~Тацитъ~~ и Освда, всѣ говорили-бы, что Тацитъ и Полибій ошиблись, но разъ дѣло дошло до оправданія автора священной книги, то считаютъ правдоподобными доказательства, которыя не приводились бы при изученіи греческой или римской литературы и принимаются за истину такія гипотезы, о которыхъ никогда-бы и не подумалъ какой нибудь Буассонадъ или даже Ролленъ.

Такимъ образомъ оказывается, что правовѣрный исходитъ изъ предвзятыхъ убѣжденій, когда упрекаетъ раціоналиста въ искаженіи исторіи тѣмъ, что послѣдній не вѣритъ слово въ слово документамъ, которые правовѣрный признаетъ священными. Но развѣ все, что написано, безусловно вѣрно? Чудеса Магомета описаны также какъ и чудеса Иисуса, причемъ арабскія биографіи пророка, напримѣръ составленная Ибнъ Гишманомъ, содержатъ даже гораздо больше историческаго матеріала, чѣмъ евангеліе. Но развѣ одного этого факта достаточно, чтобы увѣровать въ чудеса Магомета? Мы пользуемся сообщенными намъ Ибнъ Гишманомъ данными, доколѣ онѣ представляются намъ исторически вѣрными, но мы, не задумываясь, отказываемся отъ тѣхъ изъ его разсказовъ, въ которыхъ онъ сообщаетъ о явно невѣроятныхъ событіяхъ. Если бы мы имѣли четыре жизнеописанія Будды отчасти легендарнаго содержанія, которыя также трудно было бы согласовать другъ съ другомъ, какъ наши четыре евангелія и если какой либо учоный попробовалъ освободить эти четыре буддійскіе разсказа отъ ихъ взаимныхъ противорѣчій, то никто не сталъ бы упрекать его въ предвзятости намѣреніи исказить ихъ тексты. Напротивъ того, его похвалили бы за то, что онъ пробуетъ согласовать заключающіеся въ нихъ разногласія, что онъ ищетъ компромисса, старается составить безпристрастный разсказъ, не заключающій въ себѣ ничего невозможнаго и въ которомъ взаимопротиворѣчивыя показанія безъ особаго насилія со стороны составителя получили бы болѣе или менѣе удовлетворительныя разрѣшенія. Если же и послѣ этого буддисты вздумали бы упрекать ученаго во лжи и въ фальсификаціи исторіи, то имъ слѣдовало бы возразить: «Здѣсь дѣло касается не историческихъ данныхъ и если при изложеніи были допущены уклоны отъ вашихъ текстовъ, то это всецѣло вина послѣднихъ, такъ какъ они содержали явный вымыселъ и кромѣ того противорѣчили другъ другу».

Въ основѣ всѣхъ споровъ на подобныя темы, лежитъ вопросъ о сверхъестественномъ. Если допускать возможность происхожденія чудесъ и признавать за факты то, что нѣкоторые книги написаны по откровенію — то приведенный нами способъ изслѣдованія никуда не годенъ. Наоборотъ онъ правиленъ и хорошъ, если признаніе чудесъ и откровенія въ книгахъ основано на одной вѣрѣ и не имѣетъ за собою никакой реальной подкладки. Между

¹⁾ Легендарная жизнь Будды.

тѣмъ вопросъ о сверхъестественномъ исполнѣніи убѣдительно разрѣшается уже однимъ тѣмъ соображеніемъ, что нѣтъ основанія вѣрить лицамъ, существованіе которыхъ никогда не было доказано экспериментальнымъ путемъ. Мы не вѣримъ въ чудо, какъ не вѣримъ въ привидѣнія, въ черта, въ колдовство, въ астрологию. Нужно ли разбивать шагъ за шагомъ всѣ доводы астролога, чтобы отрицать вліяніе звѣздъ на человѣческія событія? Нѣтъ. Для этого достаточно факта, что никто никогда не констатировалъ подобнаго вліянія и фактъ этотъ, хотя и представляетъ собою отрицательный доводъ, но онъ также убѣдителенъ, какъ и лучшее положительное доказательство.

Избави насъ Богъ отъ отрицать услуги, оказанныя наукамъ теологами. Разысканіе и составленіе текстовъ, послужившихъ документальными данными для настоящаго труда — дѣло рукъ теологовъ, часто ортодоксальныхъ. Критическая же работа принадлежитъ либеральнымъ теологамъ. Но ни одинъ теологъ никогда не въ состояніи быть настоящимъ историкомъ. Исторія по своему существу должна быть безпристрастна. У историка одна забота — достиженіе художественной истины, двухъ нераздѣльныхъ понятій, такъ какъ искусство учить насъ какъ вѣрнѣе возстановить истину. У теолога же одинъ интересъ — догматъ. Ограничивайте этотъ догматъ сколько угодно, онъ все же будетъ невыносимымъ бременемъ для художника и критика. Ортодоксальный теологъ похожъ на птицу въ клѣткѣ, ему запрещено всякое свободное движеніе; либеральный же теологъ напоминаетъ птицу съ подрѣзанными крыльями. По виду онъ хозяинъ своихъ поступковъ, что и есть на самомъ дѣлѣ, но лишь до той минуты, пока онъ не захочетъ летѣть. И такъ заявимъ рѣшительно: критическія изслѣдованія вопроса о зарожденіи христіанскаго ученія могутъ сказать свое послѣднее слово лишь тогда, когда они будутъ освѣщены съ чисто свѣтской, не церковной точки зрѣнія, подобно трудамъ эллинистовъ, арабистовъ, санскритологовъ, вообще людей чуждыхъ какой бы то ни было теологій и которые не намѣреваются ни поучать, ни вызывать соблазна, ни возстановлять догматы, ни разрушать ихъ.

Я могу сказать, что дни и ночи я ломалъ голову надъ этими вопросами, желая въ нихъ разобраться внѣ всякихъ предразсудковъ, на основаніи лишь соображеній чистаго разума. Самый большой изъ нихъ — это вопросъ объ историческомъ значеніи четвертаго евангелія. Тѣ изъ писателей, которые не колебались при разрѣшеніи подобныхъ сомнѣній, повидимому не отдають себѣ отчета въ ихъ трудности. Всѣ мнѣнія объ этомъ евангеліи можно подвести къ слѣдующимъ четыремъ краткимъ формуламъ.

Первое мнѣніе: «Четвертое евангеліе написано апостоломъ Іоанномъ, сыномъ Зеведеевымъ; всѣ приведенные въ немъ факты совершенно вѣрны; слова и рѣчи, вложенныя авторомъ въ уста Іисуса, были дѣйствительно имъ произнесены». Это ортодоксальное мнѣніе. Съ точки зрѣнія рациональной критики, его нельзя поддерживать.

Второе мнѣніе: «Четвертое евангеліе, вообще исходитъ отъ апостола Іоанна, хотя оно могло быть проредактировано и подправлено его учениками. Упоминаемые въ евангеліи событія представляютъ собой прямые преданія объ Іисусѣ. Изрѣченія же часто записаны произвольно и выражаютъ лишь представленія самого автора о сущности ученія Іисуса». Это мнѣніе выражаютъ Эвальдъ и, съ нѣкоторыми отступленіями, Моке, Вейсъ и Рейсъ. Этого мнѣнія придерживался и я въ первомъ изданіи настоящаго труда.

Третье мнѣніе: Четвертое евангеліе составлено не Іоанномъ; оно было ему лишь приписано около 100-го года однимъ изъ его учениковъ. Проповѣди почти цѣликомъ вымышленны, но повѣствовательная часть содержитъ цѣнныя преданія, восходящія отчасти ко временамъ Іоанна». Это мнѣніе Вейцекера и Мишеля Николая. Въ настоящее время я самъ придерживаюсь того-же взгляда.

Четвертое мнѣніе: «Четвертое евангеліе ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ Іоанну. Ни по содержанію изложенныхъ въ немъ изрѣченій, ни по описаніямъ событій, это не историческое сочиненіе; оно представляетъ собой твореніе воображенія, отчасти даже аллегорію, и создано около 150-го года; въ немъ авторъ задался цѣлью не рассказать дѣйствительную жизнь Іисуса, но хотѣлъ выставить преимущества идей, составленныхъ имъ объ Іисусѣ. Такого мнѣнія, за нѣкоторыми легкими измѣненіями, придерживаются

Бауеръ, Шлегель, Штраусъ, Целлеръ, Фолькмаръ X, Ильгенфельдъ, Шенкель, Шальтеръ и Ревиль.

Я не могу всецѣло присоединиться къ столь радикальному мнѣнію; мнѣ все-таки вѣрится, что четвертое евангеліе имѣетъ дѣйствительную связь съ апостоломъ Іоанномъ и что оно было написано въ концѣ перваго вѣка. Долженъ, однако, сознаться, что въ первомъ изданіи настоящаго сочиненія я въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слишкомъ склонялся въ пользу предположеній о подлинности этого сочиненія. Теперь же убѣдительность нѣкоторыхъ аргументовъ, на которыхъ я настаивалъ, мнѣ кажется уже не столь очевидной. Я больше уже не вѣрю, чтобы святой Іустинъ, говоря о «Воспоминаніяхъ апостоловъ» ставилъ на одну высоту синоптиковъ и четвертое евангеліе. Мнѣ кажется теперь очень сомнительнымъ, чтобы *Presbyteros Ioannes* и апостолъ Іоаннъ были разные лица. Хотя я никогда положительно и не утверждалъ, чтобы Іоаннъ, сынъ Зеведеевъ, написалъ четвертое евангеліе, но прежде я склонялся, однако, допускать это предположеніе. Нынѣ я безусловно отвергаю эту гипотезу, какъ невѣроятную. Наконецъ, я долженъ сознаться, что былъ неправъ, отвергая гипотезу о подложности сочиненія, изданнаго отъ имени апостола уже по истеченіи апостольскихъ временъ. Примѣромъ можетъ служить составленное, повидному при такихъ же условіяхъ, второе посланіе Петра, подлинность котораго никто не можетъ разумно доказывать. Правда сочиненіе это далеко не имѣетъ того же значенія какъ четвертое евангеліе, но не въ томъ главный вопросъ. Важно установить, въ какихъ предѣлахъ надлежитъ пользоваться четвертымъ евангеліемъ при описаніи жизни Іисуса. Я продолжаю настаивать, что въ этомъ отношеніи четвертое евангеліе имѣетъ такое же существенное значеніе какъ и синоптики и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ, оно заслуживаетъ предпочтенія. Разработка этого вопроса имѣетъ, на мой взглядъ, столь важное значеніе, что я посвятилъ ему послѣсловіе въ концѣ книги, а часть введенія, относящаяся къ критикѣ четвертаго евангелія, была мною пересмотрѣна и дополнена.

Нѣкоторыя мѣста основнаго текста моего сочиненія были также измѣнены въ зависимости отъ вышесказаннаго. Мною были выкинуты всѣ отдѣльныя выраженія, изъ которыхъ можно было выводить заключеніе, что четвертое евангеліе было написано или самимъ апостоломъ Іоанномъ, или очевидцемъ евангельскихъ событій. Чтобы обрисовать личный характеръ Іоанна, сына Зеведеева, я представлялъ себѣ образъ суроваго Воинергеца Марка, ужаснаго духовидца апокалипсиса, а не преисполненнаго нѣжности мистика, написавшаго евангеліе любви. Я съ меньшимъ довѣріемъ настаиваю на нѣкоторыхъ мелкихъ подробностяхъ, о которыхъ намъ сообщаетъ четвертое евангеліе и еще ограничилъ количество выдержекъ и безъ того крайне немногочисленныхъ, которыя и дѣлаютъ изъ рѣчей этого сочиненія. Я слишкомъ позволилъ себѣ увлечься мнимымъ апостоломъ въ томъ, что касается общанія Параклота (Святаго Духа). Въ то же время я уже не разувѣренъ въ правотѣ четвертаго евангелія относительно его разнорѣчія съ синоптиками по вопросу о днѣ смерти Іисуса. Наоборотъ, относительно Тайной Вечери я остаюсь при прежнемъ мнѣніи. Синоптический разсказъ объ установленіи евхаристіи на послѣднемъ вечерѣ Іисуса представляетъ собою по моему мнѣнію, равносильную почти чуду. По моему это заранѣе условленная версія, основанная на затуманенныхъ отчасти воспоминаніяхъ.

Критическій разборъ синоптиковъ въ существѣ не былъ мною измѣненъ. Я его лишь слегка дополнилъ и пояснилъ особенно въ мѣстахъ, относящихся къ Лукѣ. Что касается Лизанія (*Abila Lysaniae*), то изученіе надписи Зендора въ Баальбекѣ, которое я сдѣлалъ для моей *Mission de Phénicie*, убѣдило меня, что евангелистъ не такъ уже ошибается, какъ это полагаютъ нѣкоторые критики. Въ отношеніи же Квирина, послѣдняя записка Момсона разрѣшила вопросъ противъ третьяго евангелія. Маркъ все болѣе и болѣе представляется мнѣ первоначальнымъ типомъ синоптического разсказа и его текстъ наиболѣе авторитетенъ.

Сильно развить отдѣлъ, относящійся къ апокрифамъ; для этой цѣли я воспользовался весьма цѣнными текстами, опубликованными Церіани. Я много колебался надъ кнгой Еноха и положительно отвергаю мнѣніе Вейса, Фолькмара и Гретда, которые пола-

гаютъ, что вся эта книга составлена послѣ Иисуса. Относительно же самой главной части этого сочиненія, заключающейся отъ XXXVII до LXXI главы, я не рѣшаюсь еще сдѣлать окончательнаго выбора между доводами Гильгенфельда и Колани, считающими эту часть написанной послѣ Иисуса, и Гоффманомъ, Дильманомъ, Кестилинымъ, Эвальдомъ Люке и Вейцзекеромъ, считающими ее составленной до Иисуса. Какъ желательно было бы найти греческій текстъ этого капитальнаго труда. Не знаю почему, но мнѣ кажется, что эта надежда не тщетна. Во всякомъ случаѣ, я поколебалъ довѣріе къ вытекающимъ изъ вышеупомянутыхъ главъ выводамъ. Съ другой стороны, я указалъ странное соотношеніе между изрѣченіями Иисуса, содержащимися въ послѣднихъ главахъ синоптическихъ евангелій съ откровеніями, приписываемыми Еноху. Это соотношеніе было обнаружено благодаря находкѣ полнаго греческаго текста посланія приписываемаго св. Варнаѣ. Со своей стороны Вейцзекеръ прекрасно освѣтилъ этотъ вопросъ. Положительные выводы, сдѣланные Фолькмаромъ относительно четвертой книги Эдры, во многомъ совпадающіе съ выводами Эвальда, были также приняты мною въ соображеніе. Были введены многія новыя цитаты изъ Талмуда, отведено большое мѣсто эссенизму.

Принятое мной рѣшеніе устранить библіографію, было часто неправильно истолковано. Я, кажется, достаточно громко заявлялъ, насколько я считаю себя обязаннымъ нѣмецкой наукѣ вообще и каждому изъ оныхъ ученыхъ въ частности, чтобы мое молчаніе не могло быть сочтено за неблагодарность. Библіографія полезна лишь когда она полна; между тѣмъ нѣмецкій геній проявилъ такую дѣятельность на почвѣ евангельской критики, что если бы мнѣ пришлось перечислять всѣ труды, относящіеся къ вопросамъ, затронутымъ въ настоящей книгѣ, то понадобилось бы утроить количество ссылокъ и совершенно измѣнить характеръ работы. Нельзя дѣлать все сразу; по этому я все время держался правила дѣлать выдержки лишь изъ первоисточниковъ; количество этихъ выдержекъ было сильно увеличено; кромѣ того для удобства читателей французовъ, не осѣдомленныхъ въ этой области науки, я продолжалъ вести краткій списокъ книгъ на французскомъ языкѣ, въ которыхъ можно найти всѣ подробности, выпущенныя мною по необходимости. Нѣкоторые изъ этихъ книгъ расходятся со мной во взглядахъ, но всѣ онѣ могутъ дать пищу для ума образованнаго человѣка и ввести его въ курсъ интересующаго насъ предмета.

Нить повѣствованія была мало измѣнена. Я смягчилъ нѣкоторые слишкомъ сильныя выраженія относительно коммунистическихъ тенденцій, присущихъ нарождавшемуся христіанскому ученію. Въ число людей, находившихся въ сношеніяхъ съ Иисусомъ, я ввелъ нѣсколько личностей, хотя и не упомянутыхъ въ евангеліяхъ, но о которыхъ мы знаемъ изъ источниковъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія. Все что касается имени Петра было измѣнено, я принялъ также новую гипотезу о Левитѣ сынѣ Алфоя и его отношеніяхъ къ апостолу Маттею. Что же касается Лазаря, то я придерживаюсь безъ колебаній, остроумнаго заключенія Штрауса, Вагера, Исслера и Шельтена, которые полагаютъ, что добрый нищій изъ притчи Луки и воскресенный по Іоанну одно и то же лицо. Впослѣдствіи будетъ видно, что я тѣмъ не менѣе удѣляю этимъ рассказамъ нѣкоторую долю правдоподобности, сочетая ихъ съ рассказомъ о Симонѣ прокаженномъ. Что касается разныхъ изрѣченій, относимыхъ Христу въ послѣдніе дни его жизни, то я присоединяюсь къ мнѣнію Штрауса, усматривающаго въ этихъ рѣчахъ выдержки изъ рукописей, распространенныхъ въ I-мъ вѣкѣ. Вопросъ о продолжительности общественной жизни Иисуса выясненъ болѣе точно. Вопросъ о Голгофѣ былъ разрѣшенъ согласно трудамъ де-Вогье. Одинъ очень свѣдущій ботаникъ научилъ меня различать въ Галлилейскихъ рощахъ деревья, которые находились тамъ уже 18 вѣковъ отъ пересаживаемыхъ туда въ болѣе позднее время. Мнѣ дали также нѣкоторые свѣдѣнія, которыми я и воспользовался, относительно питья, которымъ утоляли жажду распятыхъ на крестѣ. Въ пересказѣ о послѣднихъ часахъ жизни Иисуса я старался, въ общемъ, смягчить обороты рѣчей, слишкомъ обличающіе ихъ историческое происхожденіе. Въ этомъ отношеніи излюбленныя объясненія Штрауса находятъ себѣ наилучшее подтвержденіе. Догматическія и символическія тенденціи постоянно просвѣчиваютъ сквозь эти пересказы.

Я говорю и повторяю, что если бы, описывая жизнь Иисуса, ограничиться изложением исключительно бесспорных данных, то пришлось бы сказать лишь несколько слов. Он существовал; родом он был из Назарета в Галилею. Он вдохновенно проповедовал и очаровывал слушателей; его слова, глубоко въдавшиеся в память учеников, представлялись им непогрешимой истиной. Главными учениками его были Петръ и Иоаннъ, сынъ Зеведеевъ. Онъ возбудилъ противъ себя ненависть ортодоксальныхъ евреевъ, которымъ удалось добиться его казни черезъ посредство тогдашняго правителя Иудеи Понтия Пилата. Онъ былъ распятъ за городской стѣной. Вскорѣ затѣмъ распространилась вѣра въ его воскресеніе. Вотъ все, что мы могли бы узнать достовѣрнаго даже въ томъ случаѣ, если бы вовсе не существовало евангелій, или послѣдніе были бы заведомо ложны. Историческая правда приведенныхъ фактовъ подтверждается рядомъ сочиненій, подлинность которыхъ въ всякихъ сомнѣніяхъ, а годъ изданія вполне точно опредѣленъ. Таковы посланія св. Павла, посланіе къ евреямъ, апокалипсисъ и другія, признанныя всѣми за достовѣрныя, рукописи. Во всей же остальной евангельской исторіи, сомнѣнія вполне допустимы. Изъ кого состояло семейство Иисуса? Каковы были, въ частности, его отношенія съ Иаковымъ «Братомъ Господнимъ», игравшимъ послѣ его смерти столь выдающуюся роль? Имѣлъ ли онъ дѣйствительно какія нибудь сношенія съ Иоанномъ Крестителемъ и не принадлежали ли предварительно самыя знаменитыя изъ учениковъ Иисуса къ школѣ Иоанна? Какъ смотрѣлъ онъ на сказаніе о Мессіи и считалъ ли себя таковымъ? А его апокалипсическія мысли? Вѣровалъ ли онъ въ свое второе пришествіе въ развернутыхъ небесахъ въ качествѣ сына человѣческаго? Вѣровалъ ли онъ въ свою чудотворную силу? Приписывали-ли ему эту силу при его жизни? Возникла ли легенда о немъ еще въ окружавшей его средѣ и зналъ ли онъ объ этомъ? Каковъ былъ его нравственный характеръ? Что онъ думалъ о допущеніи язычниковъ въ Царство Божіе? Былъ ли онъ евреемъ по духу, каковы были Иаковъ, или же онъ порвалъ всѣ связи съ Иудействомъ, какъ это сдѣлала въ послѣдствіи самая жизнеспособная часть его церкви? Въ какомъ порядкѣ развивались его мысли?

Всякій, кто требуетъ отъ исторіи безусловной истины, долженъ обойти эти вопросы молчаніемъ. Евангелія являются въ этомъ отношеніи далеко не достовѣрными показателями, такъ какъ въ нихъ нерѣдко излагаются доводы въ пользу того или другого мнѣнія, причемъ обликъ Иисуса подвергается измѣненіямъ, сообразно догматическимъ взглядамъ редакторовъ. Мое же мнѣніе, что въ подобныхъ случаяхъ позволительно строить предположенія, но скрывая этого факта при изложеніи своего взгляда. Нельзя питать безусловнаго довѣрія къ историческимъ текстамъ, но все же они даютъ намъ извѣстный матеріалъ. Не слѣдуетъ слѣпо принимать приводимыя ими данныя, но не надо также ими и пренебрегать. Всего лучше стараться разгадать то, что въ нихъ скрыто, не позволяя себѣ однако увлекаться вѣрою въ безусловную справедливость своей догадки.

Странная вещь! Наиболѣе скептическія разрѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ принадлежатъ школѣ либеральной теологіи. Разумная аналогія христіанства признала удобнымъ обойти молчаніемъ историческія условія зарожденія христіанства. Чудеса и пророчества о Мессіи, составлявшія некогда основаніе христіанской апологіи, являлись теперь для нея камнями преткновенія; возникла забота, какъ бы ихъ устранить. По мнѣнію приверженцевъ этой теологіи, среди которыхъ я могъ бы назвать много именъ выдающихся критиковъ и знаменитыхъ мыслителей, Иисусъ никогда не выдавалъ себя за чудотворца, онъ вовсе не считалъ себя Мессіей и никогда не задумывался надъ приписываемыми ему апокалипсическими рѣчами о коначномъ разрушеніи міра. Что въ томъ, если Палій, хорошій пересказчикъ преданій, ревностно собиравшій свѣдѣнія о словахъ, сказанныхъ Иисусомъ, оказался экзальтированнымъ сектантомъ; если Маркъ, самый древній и пользующійся наибольшимъ авторитетомъ евангелистъ, почти исключительно занятъ чудесами. Роль Иисуса до того искажена толкованіями, что теперь уже трудно опредѣлить, чѣмъ она представлялась на самомъ дѣлѣ. По высказанной гипотезѣ, логическая необходимость

факта его казни объясняется такъ же мало, какъ и стеченіе обстоятельствъ, сдѣлавшихъ его вождемъ мессіаническаго и апокалипсическаго движеній. Неужели же Іисусъ былъ распятъ за свои нравственные принципы, или за нагорную проповѣдь? Конечно нѣтъ. Всѣ его положенія уже съ давнихъ поръ были въ большомъ ходу въ синагогахъ; никогда еще не убивали тѣхъ, кто ихъ повторялъ и если Іисуса предали смерти, то, вѣроятно, онъ говорилъ что либо иное. Еще недавно одинъ ученый, принимавшій участіе въ диспутахъ по этому вопросу, писалъ мнѣ: «Подобно тому, какъ прежде требовалось, во что бы то ни стало доказать, что Іисусъ есть Богъ, точно также современная протестантская теологическая школа силится доказать, что онъ не только въ дѣйствительности былъ человѣкомъ, но что и самъ считалъ себя постоянно за такового. Его хотѣтъ представить какъ человѣка, обладающаго здравымъ смысломъ и большой практичностью, преобразуя его по образу и духу современнаго богословія. Я вполне согласенъ съ Вами, что поступать такимъ образомъ значитъ не только не придерживаться исторической правды, но даже пренебрегать существеннѣйшей ея стороною».

Подобная тенденція уже многократно логично развивалась на лонѣ христіанства. Къ чему стремился Марціонъ? Чего добивались гностики II-го вѣка? Удалить изъ біографіи тѣ матеріальныя подробности, которыя смущали ихъ, какъ свойственныя описанію человѣческой жизни. Аналогичнымъ требованіямъ чистой философіи подчинились и Бауеръ со Штраусомъ. Божественный Еонъ, развивающійся изъ человѣчества, не имѣетъ ничего общаго съ анекдотическими приключеніями, съ частной жизнью отдѣльной личности. Шольтцъ и Шенкель отстаиваютъ историческое значеніе Іисуса, но по ихъ мнѣнію Іисусъ не былъ ни Мессіей, ни пророкомъ, ни евреемъ. Незавѣстно къ чему онъ стремился. Жизнь и смерть его не понятны. Іисусъ, въ ихъ изображеніи, есть своеобразный Еонъ, существо нематеріальное и неосоздаемое. Исторія, въ тѣсномъ смыслѣ слова, не знакома съ такими существами; ея задача возвести зданіе, опираясь на два рода фактовъ: во первыхъ, общее состояніе души въ данный вѣкъ и въ данной странѣ; во вторыхъ, частныя условія, вѣроятность которыхъ въ общія причины, измѣнило направленіе послѣдующихъ событій. Обуславливать исторію случайностями настолько же невѣрно, какъ и выводить ее изъ чисто философскихъ принциповъ. Оба объясненія должны взаимно дополнять другъ друга, вытекать одно изъ другого. Исторія Іисуса и апостоловъ должна быть, прежде всего, исторіей великаго смѣшенія идей и чувствъ; но одного этого было бы еще недостаточно. Тысячи случайностей, непредвидѣнностей и мелочей примѣшиваются какъ къ идеямъ, такъ и къ чувствамъ. Возстановить въ данное время вѣрную картину всѣхъ этихъ случайностей, непредвидѣнностей и мелочей, совершенно невозможно. Свѣдѣнія, почерпаемыя нами по этому поводу изъ легендъ могутъ быть и вѣрными и невѣрными. По моему, лучше всего придерживаться какъ можно ближе оригинальныхъ повѣствованій, устранить все невозможное, оставляя многое подъ сомнѣніемъ и представляя лишь въ видѣ предположеній различныя догадки объ условіяхъ, при которыхъ могло произойти данное событіе. Я не вполне увѣренъ въ томъ, что обращеніе св. Павла совершилось именно такъ, какъ оно описано въ Дѣянїяхъ, но оно несомнѣнно произошло приблизительно такъ, какъ описано, чему свидѣлствуютъ разсказы самаго св. Павла про явившееся ему видѣніе воскресшаго Іисуса, направившее жизнь его на совершенно иной путь. Я также не окончательно убѣжденъ въ томъ, что повѣствованіе Дѣянїй о сошествіи св. Духа на апостоловъ въ день Пятидесятницы было бы исторически точнымъ. Но распространившіяся впоследствии идеи объ огненномъ крещеніи, заставляють меня допускать, что среди апостоловъ произошло событіе на почвѣ иллюзіи, причемъ молнія сыграла такую же роль, какъ и при синайскомъ законодательствѣ. Видѣнія воскресшаго Іисуса точно также обуславливались случайными обстоятельствами, истолкованными въ этомъ смыслѣ пылкимъ воображеніемъ подготовленныхъ уже къ сему событію лицъ.

Если либеральные теологи и относятся съ пренебреженіемъ къ подобнымъ толкованіямъ, то это объясняется тѣмъ, что они не хотѣтъ признавать христіанство, подчиняющимся общимъ законамъ остальныхъ религіозныхъ движеній. Быть можетъ это объясняется